

Речь пойдет о жизни полузабытой. Но жизни знаменательной, яркой, трагически бурной. И о любви—несостоявшейся, трудной. Но любви наполненной, оставившей глубокий след в истории русского театра.

Имя московской актрисы Любови Павловны Никулиной-Косицкой (1827—1868) сейчас помнят лишь знатоки нашей отечественной сцены. А было время, когда оно гремело. В сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия Любовь Павловну сравнивали с самыми великими, газеты и журналы пестрили ее фамилией, а переполненный Большой театр (где шли и драматические спектакли) дрожал от рукоплесканий, когда она выступала.

Само появление этой актрисы на московской сцене было сенсационным.

В конце августа 1846 года сторож театральной конторы сжалился и пропустил в охраняемые им двери никому не известную, похожую с виду на горничную девушку, которая около двух недель дежурила у служебного входа Большого театра.

Не прошло после этого и часа, а она уже силой и звучностью своего голоса покорила композитора А. Н. Верстовского, исполнившего обязанности инспектора по репертуару московских императорских театров. В тот же день при его посредстве Любовь Косицкая (так отрекомендовалась она Верстовскому) была принята в театральную школу в число казеннокоштных воспитанниц.

Девятнадцатилетней, ей пришлось по малограмотности сесте за одну парту с восьмилетними, а через год Косицкую знала уже вся Москва. Удивив экзаменаторов темпераментным, незаурядным дарованием в драматическом спектакле, Косицкая получила в сентябре 1847 года дебют на сцене Большого театра в драме Н. Полевого «Параша Сибирячка». Исключительный успех дебютантки сразу же позволил ей сделать головокружительную карьеру. Ее зачислили на императорскую сцену в качестве актрисы, играющей первые драматические роли.

«В прошедшую масленицу почти во всех домах разговоры начинались с вопроса: видели ли вы Косицкую в «Материнском благословении»?.. — сообщал московский корреспондент петербургского журнала «Пантеон». — В этой... пьесе г-жа Косицкая делает на душу зрителя такое впечатление, которого не чувствовал он в жизнь свою...»

Подобные отзывы сопровождали выступления Косицкой и в других ролях. Она стала актрисой не только знаменитой, но и модной.

О происхождении невесты откуда появлявшейся «звезды» ходили разные слухи. Рассказывали, даже писали, что она дочь честного, но разорившегося купца, прошла «с двугривенным в кармане» чуть не через всю Россию, чтобы поклониться московскому храму театральным муз. Это умиляло знатных поклонников и поклонниц ее таланта. Они восторгались ее самородным дарованием... И сожалели, что у нее нет благородных манер.

Им захотелось «образовать» это «дитя природы», привить ему хороший, с их точки зрения, вкус. На собранные по подписке деньги ей наняли учителей. От нее же требовали совсем немного: мгновенно превратиться, как в сказке, из Золушки в принцессу. Но жизнь оказалась сложнее сказки. На плечах актрисы лежал чуть не весь репертуар московской драматической сцены. Она обманула ожидания своих покровителей и не приобрела «хороших манер». В самых «благородных» ролях она оставалась просто-народной. Светскую публику все чаще и чаще стал возмущать, как однажды выразилась графиня Е. П. Ростопчина, ее «гнусный холопский выговор». Очень скоро мода на новоявленную знаменитость прошла.

Тема богатых поклонников и нищих талантов неоднократно воплощена в рассказах о трагических судьбах русских актрис. Не один трагический поворот в жизни Косицкой был определен тем же. Во всех них вставал один социальный конфликт. Конфликт самородного дарования, вырвавшегося из низов к сценическим вершинам, и законов общества, в котором этому дарованию суждено было существовать.

«Падению» репутации Косицкой способствовала драма, которую ей пришлось пережить.

Ее обманул блестящий аристократ,

Ленинградское отделение издательства «Искусство» в серии «Жизнь в искусстве» подготовило к выпуску книгу К. Куликовой «Никулина — Косицкая». Публикуем фрагменты из этой книги.

«лев из первого ряда кресел». Он венчался с ней в церкви, но брак оказался фиктивным. Он бросил ее беременную, больную. Она долго не могла выступить. Сенсационная слава ее начала глотнуть. Этому всячески способствовало и театральное начальство, в особенности петербургское (которому был полностью подчинен московский императорский театр). Демократизм искусства актрисы, ее независимый характер вызвали его явное неодобрение.

Появление восторженных статей о Косицкой так не нравилось директору всех императорских театров А. М. Геденову, что он в конце концов обращается к самому министру двора П. М. Волконскому, жалующся на одну из московских газет, в которой «эту молодую и еще весьма неопытную актрису на русской сцене возносят слишком преувеличенными похвалами...».

В результате этого в течение двух лет «Московские полицейские ведомости» не осмеливались публиковать даже самые невинные статьи о драматических спектаклях. Но Геденов не успокоился. Долгое время он продолжал притеснять Косицкую.

СУДЬБА ГОРЬКАЯ И

СЧАСТЛИВАЯ

Ей чинят всяческие препятствия. А она не сдаётся, не опускает рук. Косицкую поддерживает «ее» публика, которая многочисленна, с которой нельзя не считаться и у которой она имеет непреходящий успех, — публика галерей.

За этой публикой стояло будущее русского театра. О необходимости приобщения к нему «средних и низших слоев общества» говорили многие прогрессивные литераторы. За такую публику боролся Александр Николаевич Островский, тогда еще начинающий драматург.

Их встреча была закономерной. Она — актриса-плебейка, натуральная, ломающая рамки условной мелодрамы простотой и непосредственностью исполнения. Он — уже открывший читателям незнакомую «страну» купеческого Замоскворечья с ее кондовыми страшными законами «темного царства». Островский быстро почувствовал родственность таланта Косицкой своим героиням, говорившим, как и она, распевающим простонародным языком.

Ей довелось впервые вывести его драматургию на подмостки. День бенефиса Косицкой — 14 января 1853 года — Островский считал одним из самых знаменательных для себя.

Время это было для него нелегким. Под спудом цензуры лежала первая написанная им пьеса — «Свои люди — сочтемся». Безжалостно изуродованную той же цензурой комедию «Бедная невеста» московское начальство не решалось ставить. За вольномыслие Островский находился под надзором полиции. И тогда, воспользовавшись своим правом бенефициантки взять для постановки пьесу по своему усмотрению, она выбрала третью написанную им большую комедию — «Не в свои сани не садись».

Бенефис Косицкой имел оглушающий успех. «Замечательным из всех блистательнейших» назвали его рецензенты. Поворотным днем в истории русского сценического искусства считают его истории русского театра.

Слава Косицкой возродилась с новой силой. Газеты опять запестрили ее фамилией. Островский с полным основанием позднее сказал: «В Москве я поднимал Косицкую».

Превосходно сыграв роль Авдотьи Максимовны, она затем полностью нашла себя в репертуаре Островского, став его верной сподвижницей. А он — ее другом и истинным ценителем. Островский нашел в ней не только великолепную исполнительницу, но и в известной мере прототип своих героинь.

Роли, предназначенные в начале пятидесятых годов Островским Косицкой, — Дуня в «Бедной невесте», Авдотья Максимовна в «Не в свои сани не садись», Анна Ивановна в «Бедности не порок», Груша в «Не так живи, как хочешь». Их роднит доброта сердца, широта души. И народный говор, и песенная стихия. И неистребимый оптимизм. И умение отстоять свое женское достоинство. И способность не опускать рук. И то мягкое женское великодушие, скрытое под оболочкой вызывающе простонародных слов, столь свойственное актрисе в жизни.

Островского привлекала неординарность ее натуры, пение русских песен, исполнением которых особенно славилась она. Не могли оставить его равнодушным ее рассказы о своей жизни — поэтичные, колоритные, остро сюжетные.

Нет, не дочерью вольного торговца была Любовь Павловна. Она познала все ужасы крепостного детства. Почувствовала всю тяжесть нищеты юности, когда семья ее чудом выкупилась из неволи. С девяти лет она кормила себя шитьем. В четырнадцать поступила горничной в купеческий дом. В шестнадцать впервые вышла на подмостки нижегородского театра как актриса «на выход». А через два месяца уже пела там первые партии в опере. Еще через полгода заняла место примадонны в ярославском театре. И все это — будучи малограмотной (письменное разбирала с трудом), без всяких связей и влиятельных покровителей.

Вокруг нее теснились «обожатели». Ее торговали, к ней приценивались. Ей кричали: «Что за честь у актрисы!» А она не сдавалась. Она искала настоящего чувства.

Не пешком, с «двугривенным в кармане» прибыла она в Москву. Она приехала туда со своим женихом — на-

чинающим актером П. С. Степановым после блестящего бенефиса в Рыбинске. С удивительным бесстрашием рассталась она с успешно начатой провинциальной карьерой. В Москве — родном городе Степанова — она надеялась найти свое «законное» счастье. Но ее, как и большинство героинь Островского, подстерегал бесцеремонный обман и тут.

Бывшая ярославская примадонна и оглянувшись не успела, как, растратив бенефисные деньги, превратилась из невесты Степанова в горничную его «благородной» матери. Вот тогда-то и начала она добиваться приема у Верстовского...

Косицкая любила рассказывать о своей юности. Многие литераторы заслушивались ее воспоминаниями. Любовь Павловну называли они «поэтичной» женщиной.

«О многом буду говорить с тобой...» — писала она как-то Островскому.

Ничто, казалось, не могло омрачить их творческий союз. А дружба их все-таки была омрачена. И повинен в этом был ее муж. Жизнь снова преподнесла актрисе «сюрприз».

Да, Косицкая наконец обрела столь желанный ей освященный церковью семейный дом. С гордостью присоединила она к своей фамилии фамилию мужа — Ивана Михайловича Никулина. Но счастья она не нашла. Побочный сын князя Я. Я. Грузинского, с детства уязвленный двусмысленным положением «воспитанника», Никулин был бездарным актером и ничтожным человеком. Самым омерзительным было участие его в травле Островского.

Завистники Островского обвиняли его в плагиате, в краже сюжетов. По Москве распространялись злобные эпиграммы на него. Петербургские и московские газеты разжигали против драматурга пассивный огонь. И всему этому помогал Никулин вместе с другом своим — поэтом Н. Ф. Щербиной, одно время квартировавшим у него.

Напечатанные в «Московских ведомостях» и «Современнике» ответы Ост-

ровского безымянным «г. фельетонистам», «литературным башибузукам», «забывшим законы приличия», положили конец недостойным вымыслам его хулителей. Но сколько стоила ему их подлая игра! Выкристаллизовывались не только общественные симпатии и антипатии. На крутом повороте определялись друзья и выявлялись враги.

Поведение Никулина не могло не отразиться на отношениях его жены и Островского. Получив признание как актриса «бытовая», актриса театра Островского, она пять лет не имела от него новых ролей.

В 1859 году Косицкая навсегда рассталась с Никулиным. И в том же году совершился ее новый, самый высокий артистический взлет.

Она сыграла роль Катерины в «Грозе», написанную Островским для нее и, как уверяли многие, в значительной степени «с нее».

В роли Катерины она познала радость полного слияния со сценическим образом. То была главная ее роль. Островский считал воплощение образа Катерины «идеальным».

Катерина и на самом деле вобрала в себя какие-то ее черты. На это оставил указание сам Островский, начертав на полях черновой рукописи конспект одного из главных монологов Катерины с примечанием: «Слышал от Л. П.» — Любови Павловны.

Это косвенно подтверждают и воспоминания о детстве Косицкой, выросшей, как и героиня «Грозы», на Волге. Лексика и тональность «Записок» актрисы, опубликованных после ее смерти, близки монологу Катерины. На близость их справедливо указывали многие исследователи. «В «Записках» Косицкой», — отмечал один из них, Б. В. Алперс, — поэтических, насыщенных драматизмом, раскрывается органическая связь между художником и его театральными персонажами. Рассказывая о себе, Косицкая в сущности рассказывает биографию Катерины из «Грозы»...

Чем-то близки речам Катерины и сохранившиеся письма Косицкой к Островскому, из которых становятся ясными перипетии их несостоявшейся любви.

Островский был серьезно увлечен Косицкой. После смерти Никулина, последовавшей в 1862 году, он хотел жениться на ней.

А Косицкая радовалась этому и огорчалась. На пути к «влечению сердца» стояла ни в чем не повинная Агафья Ивановна, невенчанная подруга Островского, у которой она не хотела «отнимать любви».

Мучился этим и Островский. «Мы с тобой целую трагедию напишем нашими письмами...» — восклицала, обращаясь к нему, Косицкая.

Она жаждала духовной близости с Островским. Года два-три ей удалось удержать их отношения на грани дружбы-влюбленности. А потом... Потом она должна была ответить на прямо поставленный им вопрос:

«Как трудно мне отвечать на вопросы Ваши, в них много правды относительно Вас и очень много горечи относительно меня... Я горжусь любовью Вашей, но должна потерять ее, потому что не могу платить Вам тем же. Но потерять дружбу Вашу, вот что было бы тяжело для меня. Не лишайте меня этого приятного и дорогого для меня чувства, если можете...».

Он не смог. И пути их разошлись. Вскоре встретился он с другой — тоже актрисой, Марьей Васильевной Васильевой-Бахметьевой. И она после смерти Агафьи Ивановны стала его женой.

В конце жизни Косицкая написала ему письмо. В нем она признавалась, что душа ее «исполнена любовью» к Островскому, «самой чистой, самой тенлой».

«Я пишу Вам это письмо и плачу. Все прошедшее, как живой человек, стоит передо мной. Нет, не хочу больше, ни слова, прошедшего нет более нигде...».

Любовь Никулина-Косицкая умерла рано — сорока одного года, через девять лет после премьеры «Грозы». Частицы души ее, растворившись в бессмертных образах, созданных гениальной рукой человека, который ее любил, продолжают свою нетленную жизнь.

К. КУЛИКОВА.